

Владимир КОРКУНОВ

МАНДЕЛЬШТАМ ШРЁДИНГЕРА

**Кот Мандельштам. Публикатор Наталия Азарова. М.: Территория Ноль
Тысяч, 2025. – 120 с. (ил.)**

*О, нашей жизни скудная основа,
Куда как беден радости язык!
Всё было встарь, всё повторится снова,
И сладок нам лишь узнаванья миг.*
О.М.

*Реинкарнация закономерна
Поэт – это тот, кто каждый раз начинает сначала*
К.М.

Поэтические реинкарнации, всевозможные виды гетеронимов (тоже своеобразное перерождение) в литературе не редкость. Маска, даже *реальная*, позволяет создавать тексты автономно от «основной» поэтики. Александр Чанцев вслед за биографами называет Пессоа «гетеронимом самого себя»¹, приводя цитату одной из личностей поэта: «Мы рождаемся, не умея говорить, и умираем, так и не сумев сказать...» Личности Пессоа выдумывал так же легко, как убеждения. И каждая в метафизическом смысле – маленькая реинкарнация, пусть даже в другого себя.

Это близко к другому изречению – и о другой культуре. Андрей Тавров в нашем интервью рассказывал: «В древности китайский поэт, добившись успеха, все начинал сначала: менял имя и уходил в неизвестность, чтобы не писать машинально, в привычном ключе». И хотя мы ещё говорим о личных двойниках, всё же: подходя к понятию реинкарнации. Ведь и сам Тавров после двух месяцев в деревне с волками вернулся другим человеком, уже не Андреем Суздальцевым.

Но Пессоа в данном аспекте ближе. И если его называли главным парадоксом Испании, то Кот Мандельштам – вполне ощутимый персонаж русскоязычной литературной сцены 2024-2025 годов. И я хочу позволить себе роскошь утверждать, что его стихи написаны им же. Не потому, что я считаю, что кот может сесть за ноутбук и набрать сборник-другой. Некоторое время назад меня спросили в соцсетях: «Кто, на ваш взгляд, автор стихов Фёдора Терентьева?» – и я ответил: «Сам Фёдор Терентьев». Это та необходимая вера, без которой в поэзии исчезнет чудо бессмертия и останется лишь «доказательная медицина». Ведь и стихи рождаются не благодаря ноутбуку, а чему-то не до конца объяснимому: «это мо<жет> быть чем угодно, любым контактом, который удалось записать словами»². Именно поэтому стихи Кота Мандельштама – реинкарнации поэта Осипа Мандельштама – написал сам Кот Мандельштам.

Как и стихи каждой личности Пессоа писала именно эта личность. Как и за Шанти Деви говорила Лугди Деви – что, в общем-то, доказала (пусть и не без сомнений) комиссия, созданная Махатмой Ганди³.

¹ Чанцев А. Гетероним самого себя // Colta. – 2021. – 11 ноя. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/28810-aleksandr-chantsev-kniga-zhoze-paulu-kavalkanti-filyu-fernando-pessoa-pochti-avtobiografiya> (Дата обращения 14.08.2025.)

² Интервью с Котом Мандельштамом // *Кот Мандельштам Стихи*. – М.: Территория Ноль Тысяч, 2025. – С. 14.

³ Выводы комиссии: «Шанти Деви действительно помнит детали жизни Лугди Деви с точностью, которую невозможно объяснить простыми совпадениями или обманом». Ссылку на интервью можно найти тут: https://psi-encyclopedia.spr.ac.uk/articles/shanti-devi-reincarnation-case?utm_source=chatgpt.com

Отметим, что в символизме, в атмосфере которого также воспитывался Мандельштам (хотя он сам, конечно, писал в совершенно иной манере), тема реинкарнации была одним из элементов мировоззрения. А в акмеизме воспринималась уже не в плане личности, а в повторении литературных сюжетов, литературном слиянии эпох; не доходя до абсурда постмодернизма, вывернутой перчатки Уорхола, когда цитата стала более значимым жестом, чем высказывание.

Вернувшись к нашим ойкуменам, как Татьяна Щербина отождествляла Дмитрия Кузьмина с Александром Македонским, а Игорь Сид ничтоже сумняшеся называл себя реинкарнацией Максимилиана Волошина. Пусть даже и в аспекте художественного приёма.

Само по себе отождествление – необходимый творческий акт. Когда мы пишем о насильнике и жертве, мы одновременно и совершаем насилие, и подвергаемся ему. Без переноса себя в создаваемый образ, «реинкарнации в насильника», а потом «в жертву», – создание полноценного текста, которому веришь – маловозможно.

Тем не менее, реинкарнация как художественный приём не отменяет реальной реинкарнации, хотя это и вопрос многочисленных спекуляций. Биохимик и психиатр Ян Стивенсон⁴ несколько десятилетий собирал знания о прошлых жизнях: проверял детские «свидетельства», доказывал отсутствие связей между семьями из прошлого и настоящего, – и собрал внушительный объём доказательств, вроде бы снижающих возможность научных манипуляций. Вроде бы – ключевое. Стивенсон не раз оговаривался, что его теория не является безупречной. И в его слова (как и слова опрошенных им детей), статьи и книги можно только верить. Но не на вере ли вообще в создаваемый мир строится литература? Тогда почему мы должны отказываться в установке, что стихи Кота Мандельштама написал Кот Мандельштам?

С автором книги я познакомился в 2020 году, когда записывал интервью с его хозяйкой⁵ для журнала «Цирк “Олимп”+TV». Почти весь день мы провели в Серебряном бору, гуляли по улочкам/тропочкам (в том числе дошли до пляжа, известного литературными происшествиями) – а он то появлялся, то исчезал, как умеют делать только коты и поэты. Тогда он ещё не писал стихов; об этом я узнал летом-2024, снова оказавшись здесь.

На веранде я прочитал порядка 50 стихотворений Кота Мандельштама, вероятно, одним из первых (и даже записал на аудио несколько из них). Позже будут наше интервью, публикация в «Волге»⁶, книга и презентация, где Ося возлежал рядом с хозяйкой и слушал, что о его текстах говорят известные литературоведы и поэты: Владимир Новиков, Владимир Кошелев, Михаил Павловец... – может быть, и сами чьи-то реинкарнации.

За несколько дней до презентации Наталия Азарова с Осей, мужем Алексеем Лазаревым и редактором «Нового мира» Ольгой Новиковой приезжали в Кимры – место, где Осип Мандельштам написал последние дошедшие до нас стихи (т.н. «савёловский цикл»). Нам было интересно, опознает ли кот мандельштамовские места, которых в Кимрах наперечёт – небольшой отрезок брусчатки да остов электростанции, около которой под раскидистыми деревьями останавливался О.М. с супругой и гостями – биографы, например, Павел Нерлер, определили в них артиста Владимира Яхонтова и его супругу Лилю Попову, тогдашнее романтическое увлечение поэта.

⁴ Стивенсон Я. Реинкарнация. Исследование европейских случаев, указывающих на перевоплощение. Пер. И. Лапина. – М.: Ганга, 2021. – 576 с.

⁵ Обращение – всей жизнью. Интервью с Наталией Азаровой // Цирк “Олимп”+TV. – 2021. – № 36 (69). URL: <https://www.cirkolimp-tv.ru/articles/1068/obrashchenie-vsei-zhiznyu> (Дата обращения 24.08.2025.)

⁶ Кот Мандельштам Мандельштам-реинкарнация // Волга. – №11-12, 2024. – С. 16–30. URL: <https://volga-magazine.ru/wp-content/uploads/2024/12/04-%D0%9A%D0%BE%D1%82-%D0%9C%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%88%D1%82%D0%B0%D0%BC.pdf> (Дата обращения: 24.08.2025.)

К нашему удивлению, Ося деловито отправился к тому самому месту. А на обратном пути, встретив кошку, буквально загипнотизировал её – как Каа; слышно было только её напряжённое горловое урчание/шипение, смесь, так сказать, диалектов. По дороге в Москву он – отдыхая после прогулки и рыбного обеда в гостинице «Чайка» на берегу Волги (в одном из номеров останавливался известный уроженец Кимр Александр Фадеев) – примерно час проспал у меня на коленях.

Стихи Кота Мандельштама начинаются с деконструкции, вернее, отказа от канонического образа: «когда мне стало ясно что слависты / усыновили мою личность / я её выбросил». Всё дальнейшее – взгляд со стороны кота, стремительное слияние времён и пространств: «и я теперь кот / и у меня с собой / запасы пропущенного». Эта реинкарнация напомнила ситуацию конца 80-х, когда авторы эпохи О.М., советские официозные, неподцензурные и новейшие поэты стали современниками; на читателя обрушился такой поток текстов (часто запрещённых в советскую пору), что это могло дезориентировать.

Что-то подобное происходит и с Котом Мандельштамом, только эпоха другая: на стыке борьбы правого и левого дискурсов в мировом масштабе (так и О.М. – фигура соразмерная; отсюда в текстах Кота множество отсылок к мировой культуре, поэтическому донкихотству; а борьба с мельницами сегодня, увы, всё больше удел именно поэтов), кризиса и реставрации империй (и у О.М. были политические тексты-антонимы; поэзия – всегда политика, но поэт – априори вне её, поскольку представляет все политические партии сразу), симплификации жизни под воздействием гаджетов, социальных сетей и т.д. Совокупность этих факторов добавляет текстам Кота Мандельштама незатронутые возможности говорения. Например, о свободе – некоем краеугольном камне для пишущего:

котом стало ясно я способен
 быть
 красавцем

я наконец
 зверь
с сомалийской
 силой
 звериной

Поэт – существо всегда дуальное. И те, кто попадает в силки одной и той же темы и паразитирует на ней (будь то политика, травма, перманентная любовная ламентация, природопись и др.), деградирует в поэтическом смысле, становясь двумерным. Свобода – внутри каждого, и даже если физическая свобода может быть ограничена, то в пространстве текста мы путешествуем между мирами, людьми, эпохами.

Разумеется, в «Дон Кихоте» Сервантес – и главный герой, и Санчо Панса, и Дульсинея. Как и в «Декамероне»: Боккаччо – каждый из процессии героев. Как и в «Войне и мире»: Толстой – и дуб, и Болконский, и небо, смотрящее в его глаза. Без многомерного отождествления невозможен полноценный творческий акт, и сама сущность кота-поэта говорит об этом. Он и «красавец», и «зверь»; он пишет стихи и одновременно не пишет; он иронизирует и говорит из-под кошачьего прищура мур-дрые вещи. Этаким Кот Шрёдингера, который одновременно и с нами, и во всех созданных им пространствах.

Или Мандельштам Шрёдингера. Который может быть и котом, и текстом, и тучей в небе, и фантазией Надежды Яковлевны о новой встрече (и питомцем Наталии Михайловны, наконец).

Одним из важнейших образов, приоткрывающих модель письма Кота Мандельштама, является уже упомянутый Дон Кихот. Автор не просто отказывается от его хрестоматийной сущности: «котом / мне / стало ясно / я не донкихот», он показывает себя с ключевого для нового Мандельштама ракурса: «я тут / охотник / за / донкихотом», а значит: охотник за прекраснотушием, наивной верой в добро.

Кот Мандельштам обретает цинизм, ставит себя в центр мира; с одной стороны, так делал и О.М., но есть нюанс: в силовом поле эгоизма поэт всё равно преследовал идеал, сражался с ветряными мельницами предрассудков и миазмов общества, тогда как К.М. сам охотится «за лохами» – преследует тех, кто зазевался (а жертва может быть как культурным идолом, так и объектом лакомства/пропитания). Мотив охоты, жёсткости, переходящей в жестокость: то, что позволяет сесть Коту Мандельштаму на правое плечо читателя, когда на левом сидит «классический» Осип Мандельштам – уравновешивая его.

Здесь же открывается новый пласт знаний Кота – совмещение филологического=человеческого опыта с рефлекторным=звериным, культурный бэкграунд которого практически совпадает с представлениями рептильного мозга о выживании (и «правильной» жизни).

Очевидна и критика левой повестки; Кот Мандельштам – конечно, консерватор гедонистического толка. В его мире невозможна чернокожая Русалочка (или фем-Белоснежка), но Русалочка как объект охоты и лакомства – вполне.

Смещение образов у К.М. происходит одновременно с проникновением в суть. За Дульсинеей он, например, видит не прекрасную даму, а Альдонсу – крестьянку («пайзанку»), то есть – сбрасывает флёр прекраснотушных представлений. В этом «сутилице» скрывается его философия (она нарративно представлена в разделе «Смыслы Мандельштама»).

И когда Кот Мандельштам говорит:

коллектор дон кихот бесстыдно запятнанный местечком и сам сервантес
я следую за вами – и кот, и сомали, еврей, теперь ещё и русский –

это тоже элемент охоты. И элемент совмещения культур; который помогает вспомнить и пятую графу, и маскарад идентичностей (в том числе, чтобы выжить; как меняли фамилию и мои родные-поляки, депортированные в Российскую Империю), и главный элемент искусства всех времён – игру. Особенно, когда Кот говорит: «мы лишь нанизываем стигмы в ожерелье / мы виртуозно превращаем имена»; но кто задумывался, что поэзия в целом – одна из самых очевидных стигм?

Тема реинкарнации мне представляется скорее как точка отсчёта/обзора, через которую нужно воспринимать тексты К.М., – но не влияющая на их самооценку. Возможно, поэтому она поднимается, в основном, в интервью, где хватает соображений и о себе, и о других: «Хотя вот Целан... я встречал его как кота – в Бресте, во Франции. Он увидел, как я прыгал, почему-то назвал тигром, а я очень похож на тигра, я же дикий. Но это был кот. Да, Целана я встречал. А из философов, может быть, он еще не стал котом, но точно станет – Беньямин. Я был на его могиле, мы разговаривали, он уже был готов. Потом я видел: там шел кот, наверное, это уже был Беньямин. Еще и Нострадамус-кот, но поэзии там явно не хватает»⁷.

В стихах фокус заострён на другом (менее ожидаемом), даже в тексте «мандельштам – реинкарнация» о самом перерождении ни слова – скорее, это попытка совпасть с О.М. по интонации, смыслу, фонетике. Вообще-то элементов поэзии Мандельштама тут множество – это и обилие аллитераций/ассонансов/ассоциаций, и скрытых рифм, и рефлексий на тему еврейства, и в целом – обращение к мировой культуре одновременно тет-а-тет и для всех.

⁷ Интервью с Котом Мандельштамом... С. 11-12.

Самое интересное – как это преобразуется в текстах Кота. Если, например, О.М. постоянно стремился за неуловимым образом (такая «охота» вообще характерна для Серебряного века), то для Кота – это охота в прямом смысле, даже если она метафорична; и «невкусный хвост» ящерицы в постироничном ключе напоминает текст О.М. «Золотистого мёда струя из бутылки текла...» со строчкой: «Золотое руно, где же ты, золотое руно?» – об охоте за призрачным нематериальным счастьем. А символическая образность (см., например: «жёлтая лошадь / и / синий осёл / отвесно / пасутся / напротив» – подобный перевёрнутый мир здесь нередок) идеально сочетается с символистскими, чуть сюрреальными картинами Алексея Лазарева.

Однако сами по себе образы реинкарнации (конечно, тема в актуальном ключе – находка) приоткрывают мечту человека даже не о последовательном, а о параллельном существовании; но практически без ноток буддизма⁸: перед нами «двухъярусная жизнь», когда ты не перерождаешься – вырастаешь над собой. Особенно отчётливо это понимаешь, читая строки: «пони тяжёлый / ты подвержен продолжателям / тебе и реинкарнация недоступна» (тяжёлый – в плане закостенелого восприятия).

Ещё интереснее глава «Реинкарнация» в разделе «Смыслы Мандельштама» (пожалуй, единственная в сборнике прямая рефлексия на тему, но тоже весьма компактная), главная мысль которой: «Реинкарнация закономерна / Поэт – это тот, кто каждый раз начинает сначала». Это тоже из практической плоскости – сколько мы знаем примеров, когда поэт консервируется на взлёте, остановившись в развитии, освоив единственный приём, становясь великовозрастным нытиком/нытикессой; но не печатают его/её не из-за заговора либералов или патриотов, а потому что личная реинкарнация – необходимое условие нового шага, нового интереса, новой актуальности. В поэзии всегда ценится только то, что *будет* сделано; а то, что *уже* сделано – больше не является индальгенцией ещё живого автора.

Поэт всегда и индивидуален, и универсален. Как я писал выше – он одновременно каждый из своих персонажей. Он наблюдает, просит, пророчествует. Он сир и убог – и одновременно богат. Он скептик и новатор. Он – мир, который формирует законы внутри себя, и мы можем воспринять их только будучи «переваренным» им же: как Кот переваривает пресловутую ящерку. И от открытости создаваемому миру зависит, каким будет эстетическое послевкусие.

В текстах Кота Мандельштама формируется идеальный образ поэта. Не высокий пафос – взгляд с прищуром. Квинтэссенция серьёзного и едва ли не детского, понятного каждому, но поданного под таким углом, что волей-неволей обращаешь внимание. Общепозитический приём, но чуть в ином ракурсе.

Разумеется, драйвер развития искусства – сделанное впервые; и книга Кота Мандельштама – первая среди подобных. Но есть ещё один постулат, о котором многие забывают. Корней Чуковский учил детских писателей чаще менять ритм – тогда ребёнок, даже если не очень внимательно слушает, заметит ритмический переход, не уснёт и, может быть, вслушается в текст. Кот Мандельштам играет на иных переходах. Он предсказуемо смешивает высокое с низким: например, Аль-Андалус (исламская территория на территории Испании) совмещается с испанским садом и одновременно стыдом, побегом от волхвов и т.д. А подаёт умные/ироничные мысли через «кошачий словарь»: здесь и лапы, и охота за «солнечными зайчиками» («в промельках света выпрыгивали мелкие олени / и я рванул») и др. В этом сдвиге есть новый поэтический идеализм, недоступный для серьёзного поэта, бьющегося за каждую извлечённую букву.

Словесный ряд, этакий кошачий дискурс, связывает все составляющие книги.

Читая наполненную ироничной мудростью книгу Терри Прагчетта «Кот без прикрас» (с т.з. самого кота), мы лучше понимали себя. В «Коте Мандельштаме» мы

⁸ См., например: «птицы / сотворены / раньше цветов / и всё в этом».

лучше понимаем искусство, его искусственный пафос, заломанные руки, чуждые цели. Кот Мандельштам не случайно много раз повторяет «котом мне стало ясно». Потому что только кот может понять, как нерационально и саморазрушительно живёт человек: множит войны, плетёт многоходовые интриги, страдает там, где мог бы найти идеальное место для обзора, впустить в себя виды и пространства, слова, которые преломляются под солнечным светом и дремлют на кошачьей лежанке.

Эта книга – горькая дольче вита, показывающая разрыв между жизнью и саморазрушением, отчего-то принимаемым за *образ жизни поэта*. Котом Мандельштаму стало ясно, что канонический образ – реликт, который подобно Вавилону должен быть разрушен. На смену должен прийти мир «парков / гор / свобод», «спальни / со многими / выходами», где наши привычные драмы: «тонюсенькое такое / чтобы всё незаметно // и всё».